

[Открыть письмо в браузере](#)

# Ядерный Контроль

номер 6 (534) | 2021

## В этом номере

- **ОТ РЕДАКТОРА**
- **СЮЖЕТ.** AUKUS: последствия для нераспространения
- **КОММЕНТАРИЙ.** Евгений Бужинский - об итогах российско-американских консультаций в Женеве; Камаль Арадж - о перспективах развития мирного атома на Ближнем Востоке
- **АНАЛИТИКА.** СВПД, гендер в международной безопасности, ОДВЗЯИ
- **РАЗБОР.** Ядерный остров: атомная энергетика Великобритании после Брексита.
- **РЕКОМЕНДУЕМ.** АПЛ, ракетное распространение, северокорейское ТЯО
- **РЕЦЕНЗИЯ.** Российско-американское сотрудничество по нераспространению ЯО, подходы КНР к сдерживанию
- **НОВОСТИ ПИР-ЦЕНТРА**
- **О ЖУРНАЛЕ**

---

## От редактора

### К содержанию

Впервые за несколько лет в международных делах как будто стало меньше абсурда. По крайней мере для России: нет обвинений во вмешательстве в выборы, в объявлении наград за головы американских военнослужащих и

применении «новичков» по всему миру. Есть ощущение, что партнёры послушали психологов и стали практиковать осознанность во внешней политике.



Осознанность, однако, - явление двуликое. С одной стороны, отрадно видеть прогресс в «женевском вытрезвителе» российско-американских отношений: созданы рабочие группы по выстраиванию новой архитектуры контроля над вооружениями, спустя почти два года простоя перезапущена Двусторонняя консультативная комиссия ДСНВ. Переговорный процесс по восстановлению СВПД, хотя и был приостановлен в июне этого года, не скатывается обратно к взаимным пикировкам и новым санкциям. Следует приветствовать и очередной раунд консультаций между Ираном и Саудовской Аравией.

С другой стороны, воцаряющийся прагматизм вовсе не обязательно ведёт к идеалам статьи VI ДНЯО. Мир вполне осознанно перевооружается, ибо добрым словом и АПЛ можно добиться куда большего, чем просто добрым словом. Так, в рамках вновь созданного альянса AUKUS Австралия получит собственные атомные подводные лодки, а на сдачу – ещё и американских ракет. Всё явственнее обозначаются контуры военно-технической автономии Южной Кореи: страна постепенно освобождается от прежних договорно-правовых ограничений сотрудничества с США, развивает новые системы вооружений. На спутниковых снимках американские исследователи обнаружили в пустыне Гоби до трёхпозиционных районов китайских МБР – или ветряных полей. На этом фоне вполне вероятно, что гонка перевооружений со временем охватит и остальные значимые страны АТР.

Как показывает исторический опыт, гонку вооружений всегда легче предотвратить, чем остановить. А значит – необходимы площадки для диалога и выстраивания мер доверия. Есть соблазн в очередной раз вспомнить про многолетний застой на Конференции по разоружению. Но не факт, что даже работоспособная КР могла бы решить сегодняшние проблемы – сейчас, скорее, более востребованы региональные форматы обеспечения безопасности. Форматы, которых почти нет.

Сергей Семенов,  
редактор электронного журнала «Ядерный Контроль»



Больше эксклюзивных материалов "Ядерного контроля" Вы можете найти в нашем [телеграм-канале](#)

[Сюжет](#)

[К содержанию](#)



### **AUKUS: последствия для нераспространения**

США, Великобритания и Австралия **анонсировали** создание трёхстороннего альянса AUKUS, в рамках которого Канберра получит атомные подводные лодки, а также закупит ряд американских систем вооружений, включая крылатые ракеты «Томагавк». Ради заключения альянса Австралия пошла на разрыв контракта на строительство дизель-электрических подводных лодок с Францией.

Точные сроки поставки подводных лодок ещё предстоит определить: лидеры стран-участниц **отвели** на консультации по этому вопросу 18 месяцев. Как **отмечает** эксперт РСМД Александр Ермаков наиболее вероятным вариантом является строительство австралийских подлодок на основе британо-американских комплектующих. Возможные альтернативы

– поставка американских или британских подлодок – маловероятны в связи с закрытием производственных линий в Великобритании и занятостью американских судостроителей заказами непосредственно от Пентагона.

### **Что это значит с точки зрения нераспространения?**

Если планы AUKUS будут воплощены в жизнь, то Австралия станет первым государством, не обладающим ядерным оружием, с собственным атомным подводным флотом. Это создаёт нежелательный прецедент для всего режима ядерного нераспространения.

В частности, неясно, как строительство АПЛ будет соотноситься с обязательствами Австралии в соответствии с соглашением о всеобъемлющих гарантиях МАГАТЭ и Дополнительным протоколом. СВГ теоретически допускает возможность изъятия ядерных материалов для военных целей, не связанных с созданием ядерного взрывного устройства. До настоящего времени данное положение не применялось, хотя в 1980-х гг. Канада начинала прорабатывать этот вопрос в связи с собственными планами развёртывания АПЛ. В то время МАГАТЭ обозначало пожелание, чтобы изъятие ядерного материала из-под механизма гарантий происходило «как можно позже».

Вопросы применения гарантий – далеко не единственный риск с точки зрения нераспространения ЯО. Так, по-прежнему неясно, будет ли в энергетической установке австралийской АПЛ использоваться высокообогащённый или низкообогащённый уран. Первое – предпочтительнее с точки зрения эксплуатационных характеристик АПЛ, второе – с точки зрения сокращения использования ВОУ по всему миру.

Как **признают** американские официальные лица, создание AUKUS во многом идёт вразрез с прежней нераспространенческой политикой Вашингтона. Исключение было сделано в единичном порядке в связи с твёрдой приверженностью Австралии ДНЯО. Однако среди союзников Вашингтона хватает государств, которые считают себя образцовыми членами ДНЯО и которые также могут претендовать на технологии АПЛ. В частности, в их число входят Япония и Южная Корея, где образование AUKUS уже **подхлестнуло** соответствующую общественную дискуссию.

---

*806 человек следят за Ядерным Контролем в Facebook*



# Ядерный Контроль

[Изменить](#)

Создатель группы: PIR Center

## Ядерный Контроль | Yaderny Kontrol

Общедоступная группа

[+ Пригласить](#)

### Комментарий

[К содержанию](#)

## Итоги российско-американского саммита в Женеве, будущее двустороннего диалога по стратегической стабильности

Эксклюзив



*Председатель Совета ПИР-Центра, генерал-лейтенант (в отставке) **Евгений Бужинский***

**Как Вы оцениваете итоги последнего раунда российско-американских консультаций по тематике стратегической стабильности?**

Считаю, что это большой успех российской дипломатии. Созданы две рабочие группы – по принципам и задачам будущего контроля над вооружениями и по потенциалам сторон. Но быстрого прогресса, конечно, ждать не следует: слишком глубоки разногласия между Москвой и Вашингтоном.

**Чем конкретно будут заниматься рабочие группы?**

Думаю, что группа по принципам вплотную займётся СНВ, группа по потенциалам – всем остальным: стратегическими неядерными вооружениями, ПРО, космосом. В одно соглашение все эти вопросы не уместить, потребуется серия договорённостей.

**Не выяснится ли в группе по стратегическим потенциалам, что у нас с американцами разная физика?**

Так оно и будет. В 2000-е, когда я вёл с российской стороны переговоры по ПРО, в конечном итоге всё упиралось в то, что мы и американцы совершенно по-разному понимаем законы физики и географию. Наши расчёты показывали, что европейский сегмент ПРО представляет угрозу для российского потенциала сдерживания, их расчёты – ровно противоположное.

И идти нам навстречу они не готовы. По противоракетной обороне в США сложился двухпартийный консенсус о том, что никакие уступки в этой сфере недопустимы. Максимум, на который можно пойти – это меры транспарентности и доверия. Они даже предлагали создать совместный центр обмена данными. В нынешних реалиях и такой шаг невозможен.

**Возможны ли уступки со стороны России по космосу? Имеет ли смысл идти навстречу озабоченностям США относительно противоспутникового оружия?**

В основе российской позиции лежит проект Договора о предотвращении оружия в космосе. На публике Запад выступает против. В частных контактах те же европейцы признают, что они в целом за. Американцы же настаивают на том, что российско-китайский проект ДПРОК не способен обеспечить безопасность космической инфраструктуры, поскольку не охватывает противоспутниковые системы.

Но чтобы разговор по ПСО имел смысл, нужно понимать предмет разговора, знать, что есть у американцев. Думаю, у них есть и спутники-инспекторы, и перехватчики. Всё это нужно выяснять в ходе консультаций. Опыт таких контактов имеется: в прошлом году в рамках двусторонних контактов по продлению ДСНВ была создана отдельная рабочая группа по космосу. И разговор на эту тему, естественно, нужно продолжать.

---

**Перспективы развития мирного атома на Ближнем Востоке**

Эксклюзив



*Камаль Арадж, экс-заместитель председателя Комиссии по атомной энергии Иордании*

**Каковы ключевые компоненты атомно-энергетической программы Иордании? Строительство АЭС большой мощности больше не актуально?**

Иордания импортирует почти 95% электроэнергии. И хотя сейчас наблюдается небольшой спад спроса на электроэнергию, в последние годы спрос увеличивался примерно на 6 %, и его нынешний спад - краткосрочное явление, связанное с пандемией.

Атомная энергия необходима Иордании: важность ее развития упоминается в Стратегии Правительства до 2030 года. Однако развитие атомной отрасли – дело комплексное и дорогостоящее. Здесь не может быть быстрого скачка, моментального результата.

Мы вели переговоры с Госкорпорацией (ГК) «Росатом» о строительстве АЭС мощностью 12 ГВт. Однако учитывая, что сейчас спрос Иордании установленные мощности электроэнергии составляют всего 5 ГВт, строительство такой АЭС неоправданно. Более того, экономические затраты оказались слишком высокими, и Правительство Иордании приняло решение построить реакторы малой мощности (РММ) в срок до 2030–2040 годов. Однако к 2040 году потребность Иордании в электроэнергии, по прогнозам, составит 10 ГВт, и в подобной ситуации логичным решением будет пересмотреть вопрос о строительстве АЭС большой мощности.

**Учитывая тот факт, что официальной причиной отказа от строительства АЭС большой мощности Правительство Иордании называет отсутствие финансовых средств, встает вопрос о финансировании планируемого строительства реакторов малой мощности. Стоимость таких реакторов тоже высока. Сможет ли Правительство страны реализовать эту**

**идею?**

Стоимость РММ оценивается примерно в 1,5–2 млрд. долл. США - это разумная инвестиция. Более того, указанная цена – это цена для первого поколения РММ: со временем она будет снижаться. Таким образом, не вижу препятствий для реализации поставленной задачи.

**Как известно, ГК «Росатом» наряду с другими пятью вендорами участвует в тендере на строительство РММ в Иордании и предлагает водо-водяной ядерный реактор РИТМ-200. Каковы шансы, что именно российское предложение будет одобрено?**

РИТМ-200 действительно находится на рассмотрении, и мы следим за тем, как развивается судьба этого реактора на территории России, а также надеемся, что РИТМ-200 будет построен в третьих странах уже в скором будущем – это бы гарантировало российскому РММ больше шансов на успех в Иордании.

**Каковы шансы РММ, предлагаемого южнокорейским вендором *One KERCО Team*?**

Мы также рассматриваем предложение южнокорейского вендора, однако отмечу, что его стоимость слишком высока. Кроме того, он недостаточно хорошо спроектирован - выглядит как стандартный реактор, но уменьшенного размера.

**Как вы оцениваете сопутствующие развитию атомной энергии риски распространения ядерного оружия на Ближнем Востоке?**

Со стороны Иордании подобные риски минимальны: Королевство не намерено развивать технологии по переработке отработавшего ядерного топлива или обогащать уран в опасных с точки зрения распространения масштабах.

Иордания не заинтересована в *вепонизации*. На Ближнем Востоке наша страна поддерживает идею создания ассоциации стран региона в сфере ядерного топливного цикла - наподобие Евратома. Мы убеждены, что это обеспечило бы полное соблюдение всеми странами соглашений о гарантиях с МАГАТЭ. Кроме того, Иордания выступает за создание на Ближнем Востоке зоны, свободной от оружия массового уничтожения.

Для Ближнего Востока важно сосредоточиться на экономическом развитии, а также на сокращении выбросов углекислого газа.

Распространение ядерного оружия затормозило бы эти процессы.

**Желание Иордании сохранить право на создание материально-технической базы для обогащения урана препятствует прогрессу в переговорах с США по заключению «Соглашения 123». Какую роль Иордания отводит США в развитии атомной энергии в Королевстве? Каковы перспективы заключения «Соглашения 123» между двумя странами?**

На сегодняшний день Иордания не собирается обогащать уран. Однако мы не хотим отказываться от права, данного нам по Договору о нераспространении ядерного оружия. Королевство обладает запасами урана, а обогащение урана, как известно, имеет экономическую целесообразность. Ни Россия, ни другие страны, подписывая соглашения о сотрудничестве в сфере атомной энергии, не ставят условием отказ от права обогащать уран. В этом контексте подход США неприемлем. Иордания никогда не подпишет «Соглашение 123» на таких условиях.

**Перечислите основные страны-партнёры Иордании в сфере атомной энергии.**

Россия - главный партнер. Затем Китай, Великобритания, Республика Корея, Канада и Франция. Мы предпочитаем сотрудничать с теми странами, которые обеспечивают комплексное предложение, включающее не только строительство АЭС, но и ее эксплуатацию, техническое обслуживание, поставку топлива и подготовку специалистов. Немаловажна и финансовая составляющая, и в этом контексте соглашения по схеме ВОО/ВООТ (Строю-Владею-Эксплуатирую/Строю-Владею-Эксплуатирую-Передаю – прим. ред.) представляют для Иордании интерес.

**Как вы оцениваете взаимодействие между Иорданией и Россией в сфере атомной энергии сегодня? Каковы перспективы сотрудничества между двумя странами?**

Недавно мы заключили несколько соглашений с ГК «Росатом» об использовании ядерных технологий, ядерной медицины и производства топлива для исследовательского реактора. Кроме того, в Национальном исследовательском ядерном университете «МИФИ» проходят обучение почти 200 граждан Иордании. Таким образом, я высоко оцениваю уровень двухстороннего сотрудничества и уверен, что у нас очень хорошие перспективы для его развития.

*Интервью взяла Инна Родина*

---

## Аналитика

[К содержанию](#)

---

**Сергей Семенов.** Контроль над стратегическими наступательными вооружениями в российско-американских отношениях: уроки истории  
*Индекс Безопасности*



В последние годы произошел почти полный крах двусторонней архитектуры контроля над вооружениями между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки. Во время женеvского саммита в июне 2021 года президенты Путин и Байден договорились возобновить двусторонний диалог по вопросам стратегической стабильности.

В данной научной записке проанализирован ход переговоров по ДСНВ и последующих межведомственных консультаций по проблематике стратегической стабильности. [Читать на английском языке](#)

---

**Артём Квартальнов.** Эволюция и перспективы развития концепции быстрого глобального удара  
*Индекс Безопасности*

В данной работе представлен комплексный анализ развития концепции быстрого глобального удара (БГУ) с 2000-ых годов по настоящее время. В первой главе автор рассматривает политические основания концепции БГУ, уделяя особое внимание истории

дискуссий по проблематике быстрого глобального удара внутри самих США. Во второй главе обобщаются шаги разных американских администраций в области военно-технической реализации потенциала БГУ.



В третьей главе автор даёт оценку международно-политическим последствиям концепции БГУ, а в четвертой – оценивает реакцию России и КНР на концепцию БГУ. [Читать](#)

---

**Елена Карнаухова.** Об архетипах воительниц, гендере и женщинах в сфере ядерной проблематики. Почему России не следует пренебрегать гендерными исследованиями и женским потенциалом в области международной безопасности, ядерного фактора и контроля над ядерными вооружениями

*Блог ПИР-Центра*



Пренебрежение Россией гендерными вопросами и гендерным равенством в сфере внешней политики и обороны контрпродуктивно и может вызвать негативный эффект – вывести Россию из контекста общемирового развития, пагубно отразиться на отечественной теории международных отношений и помешать разностороннему применению

и реализации богатых интеллектуальных ресурсов и мощного, креативного потенциала российских женщин. Гендерные исследования и, шире, более активное вовлечение российских женщин с различными подходами в сферу безопасности, ядерного фактора и контроля над вооружениями – это иной взгляд на старые проблемы, их нетипичная постановка и новая трактовка способов их решения. Умелое

использование гендерного фактора и достижение гендерного баланса в сфере ядерной и вооруженческой проблематики, дипломатии и «оборонке» могло бы укрепить позиции России на мировой арене и ее инициативы в области нераспространения и контроля над вооружениями. И тогда, быть может, шансы, что российская женщина смогла бы, подобно Роуз Гетемюллер, построить успешную карьеру в сфере международной и национальной безопасности, стали выше. [Читать](#)

**Евгений Холоднов.** Гиперзвуковые вооружения и неядерное сдерживание

*Индекс Безопасности*

Данная работа продолжает цикл публикаций ПИР-Центра, посвящённый элементам «стратегического уравнения», предложенного Россией в качестве основы для новой архитектуры стратегической стабильности. Цель проекта – найти способы «коррелировать» различные системы вооружений в рамках единого уравнений или системы уравнений с тем, чтобы предложить приемлемые для России развязки в ходе будущих переговоров по стратегической тематике. [Читать](#)



---

**Любовь Солдаткина.** Дальневосточный Нюрнберг

*Блог ПИР-Центра*

6–7 сентября в Хабаровске прошел форум «Хабаровский процесс: историческое значение и современные вызовы», который был проведен впервые после окончания этого трибунала в 1949 году. Несмотря на то, что процесс не имеет статуса Международного трибунала над военными преступниками Второй мировой войны как Нюрнбергский и



Токийский процессы, он по праву стоит с ними в одном ряду. На этом процессе были доказаны факты подготовки Японией бактериологической войны, производства и испытания данного вида оружия, в том числе на живых людях.

И если бы не операция Красной Армии на Дальнем Востоке, то, как считают многие исследователи и участники конференции, применение накопленного Японией оружия в тот момент могло бы уничтожить не только население Дальнего Востока, но и всё человечество. [Читать](#)

---

**Лариса Савельева.** Возрождающийся Иран: Взлет и ... взлет шиитского государства

*Блог ПИР-Центра*



Именно вследствие травмирующего опыта «войны городов» (так как после обретения обеими сторонами ракетных боеголовок военные действия приобрели характер обмена ракетными ударами, целью которых было уничтожение городов противника) ракетная программа приобрела более важное – в том числе, символическое – значение, нежели ядерная.

Таким образом, неудивительно, что заявления предыдущей и текущей американских администраций о том, что Совместный всеобъемлющий план действий (СВПД) необходимо дополнить, встроив в него ограничения по иранской ракетной программе, встретили столь жесткое сопротивление в Тегеране. По неуместности данное предложение можно поставить в ряд с попыткой включения вопроса о нестратегическом ядерном оружии в переговоры по стратегической стабильности Москвы и Вашингтона. [Читать](#)

---

**Галина Сальникова.** Новости нераспространения, контроля над вооружениями и мирного атома

*Блог ПИР-Центра*

Дайджест новостей за 27 сентября  
– 1 октября 2021 года [Читать](#)

---

**Софья Шестакова.** Али Багери Кани: кто он, «протеже» иранских ястребов?

*Блог ПИР-Центра*



Али Багери Кани был назначен заместителем министра иностранных дел по политическим вопросам, сменив Аббаса Арагчи, главного переговорщика по иранской ядерной сделке. Это свидетельствует о продолжении процесса «стягивания» консерваторов в администрации президента Ибрахима Раиси.

[Читать](#)

---

**Дарья Хейрие.** СВПД в лицах из Нью-Йорка, Тегерана и Москвы

*Блог ПИР-Центра*

Последние и свежие новости о иранской ядерной сделке: выступление Ирана на 76-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, визит генерального директора МАГАТЭ Рафаэля Гросси в Иран, перспективы возобновления 7 раунда



переговоров в Вене по восстановлению СВПД, влияние ядерной сделки на внутреннюю политику Ирана и прошедшая встреча нового главы Организации по атомной энергии Ирана Мохаммада Эслами с генеральным директором Росатома Алексеем Лихачевым в Москве. [Читать](#)

---

**Даниил Расстегаев.** Роберт Флloyd: энтомолог, бюрократ, «нераспространенец»?  
*Блог ПИР-Центра*



Австралийский учёный и дипломат Роберт Флloyd приступил к новым для себя обязанностям исполнительного секретаря Подготовительной комиссии Организации Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ОДВЗЯИ) 1 августа с.г. С порога 63-летний австралиец заявил о том, что главной своей целью на этом посту он считает вступление договора в силу. В этом блоге рассматривается биография Роберта Флойда, его карьерный путь и некоторые личные заслуги, которые, возможно, побудили членов комиссии отдать голос за его кандидатуру. [Читать](#)

---

**Софья Шестакова.** Войти в СВПД дважды: сможет ли Иран вернуться к выполнению ядерной сделки?  
*Блог ПИР-Центра*

Теоретически избавиться от запасов урана – не проблема: Иран может продать их за рубеж



или разубожить. Проблема – как будет выглядеть иранское руководство в глазах самих иранцев. Другой вопрос – как долго может продолжаться игра на повышение. На данный момент иранскому руководству важно показать, что если США, упираясь, продолжат действовать с позиции силы, то Иран будет готов дальше увеличивать обогащение урана.

И виной тому будет давление администрации США. Президент Ирана Ибрагим Раиси твердо **заявил**: «Никаких переговоров по СВПД под давлением Запада». Однако для Ирана подобные шаги могут обернуться его полной изоляцией, а также усиленным давлением на иранские прокси в регионе Ближнего Востока. И в какой-то степени именно это может стать необратимым последствием рискованной игры Тегерана. **Читать**

---

## Разбор

### К содержанию

## «Ядерный остров» после Брекзита или сложности энергетического развода

*Никита Белухин*

Выход из ЕС поставил перед Великобританией ряд сложных вопросов в сфере энергетики. Покидая единый энергетический рынок и отказываясь от достижений, достигнутых в сфере энергетической интеграции в Европе с 1980-х гг., Соединённому Королевству вероятно придётся осуществить значительные инвестиции в развитие собственных энергопроизводственных мощностей, пойти на увеличение тарифов на электроэнергию и, в целом, расширить роль государственного регулирования в сфере энергетики. Ядерная энергетика Соединённого Королевства, которая в настоящий момент **производит** около 20% электрогенерации, также оказалась затронута Брекзитом. Ещё в январе 2012 г. британский аналитический центр Center for Policy Studies опубликовал **доклад**, где говорилось о необходимости срочного строительства новой атомной электростанции и стимулирования инвестиций в мирный атом, чтобы избежать зависимости от зарубежного газа и нестабильных возобновляемых источников энергии. Спустя 10 лет

вопрос остаётся нерешённым, и к 2030 г. 7 из 8 атомных электростанций Великобритании **планируется закрыть**, что в свою очередь ставит выбор между реализацией национальных климатических амбиций (к 2050 г. Великобритания планирует достигнуть «углеродной нейтральности», снизив уже к 2030 г. эмиссии парниковых газов на 68% по сравнению с уровнем 1990 г.) и энергетической безопасностью страны (к 2050 г. прогнозируется, что потребность в электрогенерации возрастёт в два раза при том, что к 2025 г. планируется **закрытие** всех угольных электростанций). Остаётся не до конца ясным, как именно Великобритания будет латать «дыру», которая образуется в результате отказа от угольных и ядерных мощностей. Ещё раньше в 2006 г. Тони Блэр предупреждал, что к 2025 г. если в Великобритании не будет создано новых ядерных мощностей, то страна окажется в «газовой ловушке», перейдя от 80-90% энергетической независимости к 80-90% зависимости от импортных газовых поставок. В похожей ситуации уже оказалась Германия, которая взяла курс на отказ и от угольных, и от ядерных мощностей.

Одним из возможных решений сложившегося «бутылочного горлышка» в британской энергетике может стать **стратегия строительства** малых модульных реакторов. Так британская компания Rolls-Royce ещё в январе 2020 г. **объявила** о планах по строительству 10-16 малых реакторов на территории Королевства к 2029 г., **первый** из которых может начать функционировать в 2031 г. В январе 2021 г. стало известно о **планах** британской компании Shearwater Energy совместно с американскими партнёрами из NuScale построить первую в Великобритании и Европе гибридную атомно-ветровую электростанцию в Северном Уэльсе на базе закрытой в 2015 г. АЭС Wylfa, где помимо энергогенерации будет производиться и экологически чистый водород как ресурс для зелёной трансформации транспортной системы. По заявлениям самих координаторов проекта Великобритания может стать «первым государством в мире, где будет массово развёрнута система малых модульных реакторов и одновременно центром их производства для соседней Европы». Дополнительным преимуществом стратегии строительства малых реакторов, по словам **Тома Сэмсона**, временного руководителя консорциума во главе с Rolls-Royce по разработке программы строительства реакторов, выступает ориентация на частное финансирование и инвестиции, сжатые сроки строительства, а также отсутствие необходимости долгосрочной государственной поддержки. Помимо Rolls-Royce в консорциум также входят компании Assystem, Atkins, BAM Nuttall, Jacobs, Laing O'Rourke, National Nuclear Laboratory, Nuclear Advanced Manufacturing Research Centre и TWI. Помимо самой Великобритании **интерес** к проекту уже успела проявить Эстония, где

Rolls-Royce и эстонская компания Fermi Energia подписали соглашение об исследовании возможного размещения таких малых ядерных реакторов в балтийской стране. В Швеции компании Uniper Sweden, LeadCold и Королевский технологический институт также **сотрудничают** с целью создания к 2030 г. малого модульного реактора SEALER, а неядерный прототип планируется запустить до конца 2024 г.

В любом случае исходя из программных документов в области энергетической политики, т.е. «10 пунктов зелёной промышленной революции», **опубликованных** 18 ноября 2020 г. и Белой книги по энергетике, **опубликованной** 14 декабря 2020 г., развитие и сохранение мирного атома на Британских островах признано неотъемлемым фактором декарбонизации национальной экономики [3]. Так согласно «10 пунктам» создаётся «Фонд ядерных исследований» («Advanced nuclear fund»), который инвестирует 215 млн фунтов в развитие технологии малых модульных реакторов и дополнительно 170 млн фунтов в создании продвинутых модульных реакторов, которые могут функционировать при температуре выше 800 °C и тем самым стать основой для производства водородного топлива. В рамках программы STEP (Spherical Tokamak for Energy Production) Великобритания **намерена** к 2040 г. создать рабочую энергетическую установку на основе управляемого термоядерного синтеза. Из обозначенных в 2011 г. 8 возможных новых атомных электростанций, которые планировалось построить к концу 2025 г., 6 находятся в той или иной стадии планирования и строительства, для 3 известны примерные даты завершения строительства и лишь одна находится в процессе строительства, которое планируется завершить к 2025 г. с возможной задержкой от 9 до 15 месяцев, хотя изначально её планировалось завершить в 2017 г. Hinkley Point должна стать первой АЭС в Великобритании за 25 лет с блоком АЭС Sizewell B, завершённым в 1995 г. С момента окончательного одобрения проекта в сентябре 2016 г. стоимость строительства **возросла** на 5 млрд фунтов, а цена за МВт энергии была установлена на уровне на 92,5 фунтов на 35 лет, что значительно превышает регулярно **снижающуюся** цену на ВИЭ, включая 44 фунта с учётом инфляции за МВт ветряной энергии согласно государственным контрактам для 12 ветряных электростанций, **одобренных** осенью 2019 г. При этом эти ветряные электростанции планируются к запуску уже в 2023-2024 гг. Но не стоит забывать и о волатильности ВИЭ, как **показали** события в Техасе.

Дополнительным фактором, осложняющим реализацию задуманных проектов, выступает участие Китая в проектах ядерной энергетики Соединённого Королевства и вытекающих из этого последствий для национальной безопасности. Китайская компания China General Nuclear

(CGN) владеет 33,5% в строительстве Hinkley Point, 20% в Sizewell и большинством акций на планируемое строительство АЭС Bradwell с использованием собственных реакторов Hualong One [2, p.20-21]. Вовлечённость Китая в британскую энергетику уже успели окрестить в качестве «нового Huawei», но при этом альтернативы китайским инвестициям у Великобритании нет, поэтому ожидать, что против CGN будут приняты меры, аналогичные тем, что были объявлены в отношении Huawei в июле 2020 г., не стоит.

Возвращаясь к деталям выхода из ЕС, важно отметить, что наряду с Соглашением о торговле и сотрудничестве и Соглашением об информационной безопасности Соединённое Королевство и ЕС в лице Евратома достигли Соглашения о безопасном и мирном использовании ядерной энергии, которое подтвердило сотрудничество в области торговли ядерными материалами, обмена информацией в сферах взаимного интереса в том числе ядерных гарантий. Окончательно соглашения были подписаны сторонами 30 декабря 2020 г. и начали временно применяться с 1 января 2021 г. без ратификации со стороны ЕС. Совет по сотрудничеству между ЕС и Соединённым Королевством, учреждённый для контроля над временным исполнением соглашений, принял 23 февраля 2021 г. решение о продлении временного применения положений договоров до 30 апреля 2021 г. для завершения перевода и редактирования текстов соглашений на всех 24 официальных языках ЕС. Для Великобритании как одной из стран-лидеров по исследованиям в области управляемого термоядерного синтеза важным стало положение совместных с ЕС деклараций о том, что она сохранит полноправное членство в организации Fusion for Energy (F4E) и, тем самым, в проекте международного экспериментального термоядерного реактора ITER. Британия также сохранит право на получение финансирования в рамках исследовательской программы ЕС «Горизонт Европы» на 2021-2027 гг., а также возможность участвовать в исследовательских и образовательных программах Евратома и Совместного исследовательского центра Европейской Комиссии, но сможет использовать средства фонда Европейского инновационного совета. Продолжится и совместное британо-европейское финансирование проекта JET (Joint European Torus), а оператором проекта по крайней мере до октября 2021 г. останется Управление по атомной энергии Соединённого Королевства.

Главной болевой точкой энергетических отношениях Королевства и ЕС остаётся увязка поставок электроэнергии из Европы с доступом в британские территориальные воды для рыболовства. С учётом ежегодного британского энергодефицита примерно в 7%, который компенсируется поставками электричества от АЭС Франции и Нидерландов, это условие

представляет собой значительный **рычаг давления** и может быть пересмотрено только в 2026 г. Одновременно Великобритания больше не входит в состав Агентства по взаимодействию энергетических регуляторов ЕС (ACER), покинула ряды Европейской сети системных операторов передачи электроэнергии и газотранспортных систем (ENTSO-E и ENTSO-G) и, что особенно важно в контексте климатических амбиций Лондона, больше не участвует в системе ЕС по торговле квотами на эмиссию парниковых газов. **Ожидается**, что Великобритания всё же предпримет усилия по возобновлению сотрудничества с этими структурами по аналогии с Швейцарией и Норвегией.

## Рецензия

### К содержанию

#### **Конец эры: США, Россия и ядерное нераспространение**

*Софья Шестакова*

*«Российско-американское сотрудничество в области ядерного нераспространения достигло критической точки. Лица, определяющие политику в Москве и Вашингтоне, должны решить, достаточно ли велики риски, связанные с распространением ядерного оружия, чтобы вернуть РФ и США за стол переговоров, или же проблемы в двусторонних отношениях делают невозможным сотрудничество в этой жизненно важной, но часто спорной сфере».*

В августе 2021 года вышла в свет книга **«Конец эры: США, Россия и ядерное нераспространение»** Центра исследований в области нераспространения Миддлберийского института. Данная книга представляется особенно актуальной в связи с предстоящим **вторым раундом** российско-американских переговоров по стратегической стабильности. Помимо глубокого анализа отношений между СССР (РФ) и США в исторической ретроспективе, авторы дают практические рекомендации по улучшению российско-американских отношений в области ядерного нераспространения. Книга включает в себя 8 глав:

- Российско-американское сотрудничество в целях повышения безопасности ядерного оружия и расщепляющихся материалов (*Мэтью Банн*)
- Резолюция Совета Безопасности ООН 1929 г. по Ирану: российско-американское сотрудничество и поиски взаимности (*Ханна Нотте*)

- Выходя за рамки самоограничения: двусторонние коммерческие ядерные поставки и молчаливое взаимопонимание между США и Россией по вопросам ядерной безопасности и международных гарантий (*Адам Н. Стулберг и Джонатан Дарси*)
- Одностороннее сотрудничество: президентские ядерные инициативы 1991-1992 годов (*Джерemi Фауст*)
- Спасти мир дважды: как решение проблемы изменения климата открывает возможности для сотрудничества между США и Россией (*Обри Минс*)
- Сотрудничество США, Советского Союза и России по статье VI ДНЯО (*Николай Соков*)
- Когда интересы совпадают: как продолжается американо-российское сотрудничество по минимизации ВОУ (*Ной Мэйхь*)
- Размышления о прошлом и мысли о будущем (*Уильям К. Поттер и Сара Биджуд*)

В данной книге подробно разбираются семь примеров успешного американо-российского сотрудничества после окончания Холодной войны. Эти прецеденты помогают рассмотреть перспективы для дальнейшего взаимодействия. Возобновление диалога между США и Россией в области ядерного нераспространения повлияет на решение проблем региональной безопасности, в частности денуклеаризации Корейского полуострова и сдерживания ядерных амбиций Ирана (а также Саудовской Аравии), укрепит режим экспортного контроля и будет способствовать предотвращению актов ядерного терроризма. Однако авторы приходят к выводу, что недостаточно совпадения интересов, прогресс в достижении основных целей требует целенаправленных и настойчивых усилий как со стороны США, так и со стороны России.

Красной нитью в книге проходит идея о том, что доверие между СССР (РФ) и США – исторически важный фактор успеха ядерных переговоров. На современном этапе приход Джозефа Байдена стал долгожданным и необходимым поводом для определения основных областей, в которых совпадают интересы двух государств. Ранее он признавал, что «Вашингтон должен держать открытыми каналы связи с Москвой» независимо от политических разногласий. В сравнении с дестабилизирующей политикой администрации США при президентстве Дональда Трампа, связанной с выходом из ДРСМД, ДОН, СВПД, администрация Байдена сделала первый позитивный шаг в обращении вспять ухудшения американо-российских ядерных отношений.

Несмотря на положительные сдвиги, по-прежнему существуют «камни преткновения» в вопросах международной безопасности, а также

недоверие третьих стран к политике, проводимой Москвой и Вашингтоном. В книге предлагается следующий пример: США и Россия приступили к осуществлению очень дорогостоящих программ по разработке новых систем вооружений, не ограниченных существующей архитектурой контроля над вооружениями. Подобное стремление заполучить данное вооружение подрывает доверие к заверениям Москвы и Вашингтона об их намерении полностью выполнить свои обязательства по разоружению в соответствии со статьей VI ДНЯО. Также отмечается, что российско-американское сотрудничество в области контроля над вооружениями и в контексте ДНЯО стало более разнообразным и менее стабильным, чем это было во время холодной войны. Преодоление проявившегося разрыва в сотрудничестве между США и РФ в рамках обзорного процесса ДНЯО должно стать приоритетом для новой администрации Байдена, особенно в контексте предстоящей Обзорной конференции ДНЯО.

Отдельная глава посвящена связи между изменением климата и ядерной энергетикой. Как единственный альтернативный источник энергии, способный заменить ископаемые виды топлива и бороться с негативными последствиями изменения климата, ядерная энергетика может стать существенным капиталовложением для мировой экономики в ближайшие десятилетия. Однако закономерно возникают опасения по поводу так называемой «ядерной задержки» государств, то есть их способностью быстро разработать ЯО путем преобразования своих мирных ядерных объектов при наличии соответствующих технологического развития и политических мотивов. Обри Минс также подчеркивает, что военная мощь США и РФ не делает их неуязвимыми перед климатической катастрофой. Наводнения, пожары представляют опасность для большей части инфраструктуры, что, в свою очередь, угрожает национальной безопасности.

В заключительной главе Уильям К. Поттер и Сара Биджуд анализируют прошлое и будущее американо-советско-российским сотрудничеством. Столь далекий опыт взаимодействия в ядерной области позволяет извлечь уроки, которые откроют перспективы для американо-российских взаимоотношений сегодня. Авторы останавливаются на следующих:

- Оживление сотрудничества в США в США в ДВЗЯИ
- Обновление взаимодействия в рамках СВПД
- Активизация снижения ядерных рисков
- Возрождение «телемостов» как инструмента гражданской дипломатии между США и Россией

- Постепенное завоевание доверия
- Потребность в большей вежливости, уважении, сочувствии и самоанализе

Из этого затруднительного положения нет простого выхода, но отправной точкой является признание источников проблемы и понимание, на какие ставки готовы обе стороны пойти для их успешного разрешения. Вопрос международной безопасности и ядерного нераспространения настолько жизненно важный, что требует от государств «прикусить язык» и поступиться своими порой эгоистичными принципами. От будущего российско-американских отношений зависят не только целостность ДНЯО, но и безопасность в отдельных регионах. Осмысление глубокого исторического опыта и учет современного международного контекста – важнейшие задачи, которые должны быть приведены в жизнь для дальнейшего укрепления режима нераспространения и стратегической стабильности.

---

## Рецензия

### К содержанию

#### **Доклад RAND Corporation: как Китай сдерживает противников?**

*Лариса Савельева*

Целью доклада австралийского отделения аналитического центра RAND 2021 года «Расшифровка китайских сигналов сдерживания в новую эру: принципы анализа и семь тематических исследований» (*Deciphering Chinese Deterrence Signalling in the New Era: An Analytical Framework and Seven Case Studies*) является раскрытие китайского подхода к демонстрации инструментов сдерживания (англ. *deterrence signalling*) на современном этапе (с конца XX века). Эволюция политики сдерживания Китая обусловлена тремя факторами: ростом геополитических амбиций Пекина, развитием китайских вооружений и вооруженных сил, а также созданием новой стратегии коммуникации. В докладе не рассматриваются (или рассматриваются поверхностно) невоенные инструменты сдерживания, такие как экономическое и дипломатическое давление; упор сделан прежде всего на военные методы демонстрации своих интересов, к которым прибегают в Пекине (доклад профинансирован Министерством обороны Австралии). Также незначительное внимание уделено космическим и киберстратегиям ввиду практически полного отсутствия открытых источников для системного анализа китайского инструментария сдерживания.

С методологической точки зрения анализ стратегий и методов демонстрации сдерживания в конкретных случаях основан на следующих критериях: контекст действий КНР; содержание сигналов; аудитория (объект(-ы), которому(-ым) адресованы сигналы); положение лиц, от которых исходят сигналы (их статус, роль в военно-политическом руководстве); и, наконец, насколько широко сигналы распространяются (что, по мнению авторов, также указывает на желание или нежелание Пекина прибегать к использованию военной силы). В докладе рассмотрены примеры сдерживания в мирное время, а также так называемые «кризисные сюжеты». К последним относятся кризис в Тайваньском проливе 1995–1995 гг.; Докламский кризис 2017 г.; протесты в Гонконге 2019 г., а также ядерная проблема Корейского полуострова.

### *Китайская военная мысль и концепция сдерживания*

В докладе проводится системный анализ китайской концепции сдерживания – на основе открытых китайских источников. Сдерживание по-китайски (кит. 威懾, *weishe*) – это не только попытка предотвращения военного конфликта, но и оказание политического, психологического давления для принуждения оппонента к принятию соответствующих китайским интересам решений. Иными словами, использование методов демонстрации военной силы допустимо для достижения отдельных *политических* целей. Китайское сдерживание предполагает взаимосвязь трех компонентов: собственно военный потенциал; «решимость» (применения военной силы); коммуникация (как транслируется наличие этого потенциала и намерение его использовать). В качестве сигналов, демонстрирующих решимость, могут быть использованы упреждающие удары в ответ на серьезные провокации со стороны противника, в которых может быть задействовано высокоточное оружие наземного или воздушного базирования, а также артиллерия или силы специального назначения. В данном случае НОАК не преследует цели уничтожить боевой потенциал противника.

Китайская военная мысль предполагает наличие трех фаз сдерживания: сдерживание в отсутствие конфликта; кризисная ситуация; сдерживание в контексте вооруженного столкновения. Сдерживание в мирное время осуществляется посредством «военных действий малой интенсивности», таких как демонстрация военного арсенала, выражение озабоченности или обозначение «красных линий» в вопросах стратегической безопасности. Сдерживание «на случай чрезвычайных обстоятельств» (англ. *contingency deterrence*) активизируется при условии эскалации конфликта до уровня кризисных ситуаций с расчетом на то, что

противник будет устрaшен не за счет баланса военных сил, но «угрозой возмездия». На данном этапе принципиальным является отказ от нанесения превентивного удара, однако китайская военная мощь уже находится в состоянии боевой готовности. К мерам сдерживания кризисной фазы можно отнести упреждающие ракетные удары ограниченного масштаба, запуск МБР в район акваторий, а также нанесение удара по территории противника с помощью МБР, оснащенных неядерными боеголовками. В случае перерастания конфликта в открытое военное противостояние, задача НОАК состоит в том, чтобы одержать победу посредством бдительной реакции, предупреждающей действия противника (кит. 打赢战争, daying zhanzheng). Таким образом, в общих чертах китайский подход к демонстрации сигналов сдерживания схож с американской концепцией «контроля над эскалацией» (кит. 战争控制, zhanzheng kongzhi). Отличием является, в первую очередь, оперативно-тактическая реализация «кризисного сдерживания», которое носит наступательный характер, и, судя по всему, предусматривает «эскалацию для деэскалации» как один из инструментов сдерживания. В таком случае существенны риски, что китайский подход к сдерживанию, в частности мобилизация вооруженных сил, может быть воспринято как намерение развязать войну, а не стремление ее предотвратить. Еще одним осложнением является отсутствие в ряде китайских текстов различия между ракетами с ядерным и неядерным потенциалом как инструментами сдерживания, что также повышает риски неправильного толкования китайских сигналов.

### *Примеры демонстрации сдерживания*

**Во-первых**, регулярное проведение военных парадов. В 2017 году впервые состоялся военный парад на территории тренировочной базы Журихе, что позволило продемонстрировать уровень оперативной боевой подготовки НОАК. В 2018 и 2019 гг. КПК провела парады ВМФ в акватории Южно-Китайского моря (ЮКМ) с участием флотилии военных кораблей и подводных лодок, а также авианосца «Ляонин». Выбор места проведения парадов был неслучаен, так как именно территория ЮКМ (в случае начала вооруженного конфликта) станет местом столкновения сил Китая и его противников. **Во-вторых**, Китай активно использует полеты бомбардировщиков. В 2015 году бомбардировщики типа H-6 ВВС КНР совершили первый полет над территориями Тайваня, Японии и Филиппин; с тех пор число полетов выросло по крайней мере до 42, большая часть из них – в Восточной Азии. Интересно, что для китайского военного-политического руководства большое значение имеет место проведения полетов или учений, но не время. Так, в 2018 г. в министерстве Обороны Соединенных Штатов отмечали, что проведение

Китаем полетов над Гуамом может быть воспринято как стратегический сигнал со стороны Китая; однако распознать этот сигнал ввиду отсутствия «временной привязки» представляется затруднительным. **В-третьих**, Пекин активно проводит военные учения в зоне Тайваньского пролива. Данный формат сигналов сдерживания – самый недвусмысленный и транспарентный в плане целей и намерений. Он адресован, в первую очередь, Тайбэю, в меньшей степени – Вашингтону, о чем свидетельствуют и высказывания высшего руководства страны. В данном случае логика КНР действует по зеркальному принципу: так как США, по мнению Пекина, пересекают меридиан с целью демонстрации поддержки Тайбэю, аналогичный ход с китайской стороны будет воспринят Вашингтоном соответственно. Таким образом, в данном случае все сценарии развиваются вокруг «средней линии» в Тайваньском проливе, которую КНР формально не признает, но де-факто может «разыграть» эту карту, если это соответствует китайским интересам.

Следующие примеры иллюстрируют так называемое «кризисное сдерживание». **Первый** пример – ракетный кризис в Тайваньском проливе 1995–1996 гг. На фоне президентских выборов в Тайване Пекин послал американской стороне строгое предупреждение о недопущении вмешательства в «китайские вопросы» в виде серии военных учений и ракетных испытаний. В июле 1995 года был произведен запуск ракет – без заблаговременного уведомления Тайбэя или Вашингтона. В августе того же года с кораблей воздушных судов ВМС были выпущены снаряды. В марте 1996 года Китай провел репетицию «чрезвычайного» сценария захвата Тайваньской территории. При этом, согласно рассекреченному отчету американских спецслужб, выбор сигнала сдерживания был продуманным и взвешенным, в результате чего на столе руководства КПК оказался отнюдь не самый агрессивный из предложенных военными планов.

**Второй** пример – Докламский кризис 2017 года, пример столкновения территориальных интересов Китая и Индии (выступавшей в поддержку Бутана) вокруг тибетских границ. По оценкам Пекина, Индия существенно уступала Китаю по уровню военной мощи, что явилось одним из факторов, определивших китайский подход к оценке военной угрозы и формата сдерживания. К границе были стянуты сухопутные войска, причем официальные китайские источники и индийская разведка расходились в оценке контингента КНР у тибетских границ (часть китайской стратегии психологического давления). **Третий** пример – демократические протесты в Гонконге в 2019 году. В июне и декабре 2019 года китайский гарнизон провел совместные учения сухопутных, военно-морских и военно-воздушных сил, которые прошли в непосредственной

близости от территории Гонконга. Наконец, **четвертый** пример – ядерная проблема Корейского полуострова. Пример интересен постольку, поскольку демонстрирует арсенал сдерживания в ситуации, когда развитие конфликта между третьими сторонами напрямую не зависит от реакции Пекина, однако может иметь серьезные последствия для национальной безопасности. Так, до 2013 г. основной стратегией были «утечки» планов НОАК по вторжению на территорию КНДР для предотвращения ядерного кризиса, а также захвата северокорейского ядерного арсенала. В декабре 2013 года, после утраты власти зампредом ГКО КНДР Чан Сон Тхэком, китайские СМИ отмечали, что к границе с Пхеньяном для проведения учений было стянуто до 3000 китайских военнослужащих, а внутренние войска КНР (т.н. народная милиция) были переведены в статус чрезвычайной боевой готовности. Однако, как отмечают эксперты, учения были запланированы задолго до известий о ситуации в КНДР; иными словами, в целях сдерживания китайские СМИ «адаптировали» (официально отрицается) посыл военных действий с целью демонстрации намерений в отношении нарастающей напряженности в отношениях США (и Республики Кореи) с КНДР.

Обобщая вышесказанное, инструментарий китайского сдерживания «калибруется» в зависимости от фазы конфликта (соответственно, и фазы сдерживания), а также в зависимости от типа угроз и противника, от которого они исходят. Однако в докладе отсутствовал систематический анализ того, как именно противникам Китая распознавать сигналы сдерживания: какие сигналы могут быть использованы в тех или иных случаях для отражения тех или иных угроз. Хотя об этом вскользь упоминалось в теоретическом разделе доклада (разбор традиционных сигналов, характерных для конкретной фазы сдерживания), эмпирический анализ строится лишь на сравнении аудиторий и компонентов стратегии сдерживания (военные, дипломатические, информационно-пропагандистские). Хотелось бы видеть какой-то сравнительный элемент в отношении того, с кем Китай имеет дело и кого стремится «сдерживать». Так, например, во время Докламского кризиса официальные китайские источники транслировали военную мощь Китая через изображения винтовок, пулеметов, а также пусковых ракетных установок. То есть, несмотря на то что Китай делал акцент на разнице военных потенциалов с Индией, современные вооружения (включая ракетные) не были продемонстрированы. Это может свидетельствовать о разном уровне «контроля над эскалацией» при демонстрации сдерживания по отношению к Соединенным Штатам и Индии, но также и том, что тибетский вопрос имеет периферийное значение по сравнению с тайваньским. В таком случае было бы неуместно говорить о территориальной целостности Китая как *едином* факторе политики

сдерживания. Однако определенные выводы на основании доклада делать затруднительно.

Таким образом, в докладе проведен обширный анализ китайских источников, которые позволяют расшифровать китайскую концепцию сдерживания и «эскалации для деэскалации». Хотя единого сценария, по которому действует Китай для демонстрации сдерживания, не существует, выделен спектр (прежде всего, военных) инструментов, доступных Пекину для «сигналирования» своих намерений. Важно также иметь в виду, что военно-политическое руководство Китая не исключает применение военной силы для достижения целей политического характера.

## Рекомендуем

### К содержанию

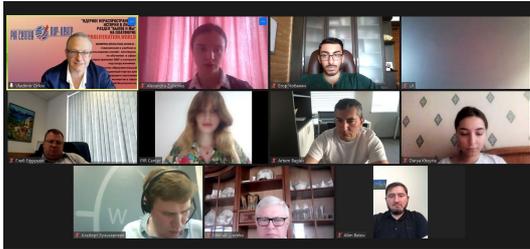
- **АПЛ** Специалисты Австралийского национального университета анализируют перспективы развития систем обнаружения подводных лодок и противолодочной обороны. По их оценкам, в ближайшие несколько десятилетий океанские глубины станут гораздо более проницаемыми для средств слежения, а значит, подводные лодки с БРПЛ могут потерять былую неуязвимость в качестве средства сдерживания. [Читать на английском языке](#)
- **Ракетное распространение** Международный институт стратегических исследований опубликовал доклад, посвящённый распространению крылатых ракет на Ближнем Востоке. По мнению авторов, использование крылатых ракет изменяет стратегическую обстановку в регионе, позволяет даже игрокам с относительно слабой авиацией уничтожать хорошо защищённые цели. Примером тому - нападение проиранских повстанцев на саудовские нефтеперерабатывающие заводы с помощью БПЛА. [Читать на английском языке](#)
- **КНДР** В новой статье для журнала Washington Quaterly Анкит Панда анализирует подоплёку заявлений Ким Чен Ына о развёртывании КНДР тактического ядерного оружия. По мнению исследователя, замысел северокорейских военных состоит в том, чтобы иметь наиболее широкий спектр сил и средств для ответа на агрессию с применением сил общего назначения. Главные опасности развёртывания ТЯО - в необходимости дополнительных испытаний, а также в увеличении рисков непреднамеренного использования ЯО в случае кризиса. [Читать на английском языке](#)

---

## Новости ПИР-Центра

### К содержанию

**ПИР-Центр провел вебинар на тему «Путч. Орлов. Очевидец. 3 дня и 2 ночи в Белом Доме. 30 лет спустя». Своими воспоминаниями и впечатлениями о событиях августовского путча 1991 года поделился основатель и директор ПИР-Центра, Владимир Орлов, который с 19 по 21 августа 1991 года находился в Белом доме в качестве корреспондента газеты «Московские новости»**



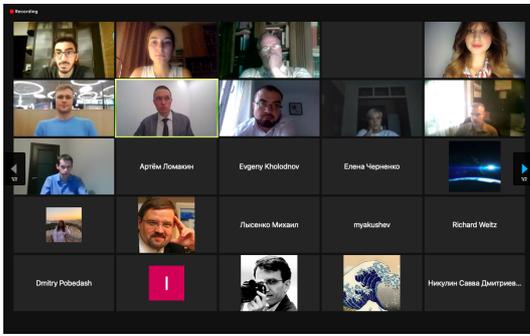
«30 лет назад, в течение полугода, между августом 1991 года и январем 1992 года, проходил процесс перехода ядерного правопреемства от СССР к Российской Федерации. Это был процесс мучительный, тревожный, но в итоге мирный и благополучный. Расскажу, как всё начиналось. Расскажу об августовских днях 1991 года, о провале путча. Тем более что 3 дня и 2 ночи путча мне тогда довелось провести в Белом доме. И там же стать свидетелем его краха», - директор и основатель ПИР-Центра Владимир Орлов. [Читать](#)

---

**На Научной Среде ПИР-Центра было представлено экспертное мнение о возможных результатах российско-американских переговоров по вопросам информационной безопасности**

31 августа в рамках цикла неформальных семинаров Научные среды ПИР-Центр провел вебинар на тему «Патч для дипотношений:

перспективы российско-американских консультаций



по информационной безопасности». Данное мероприятие продолжает начатую еще 20 лет назад традицию ПИР-Центра по изучению информационных вызовов и угроз международной и национальной безопасности. [Читать](#)

**Состоялась итоговая читка коллективной монографии ПИР-Центра "Russia-U.S. nuclear nonproliferation dialogue: lessons learned and road ahead"**



«Подготовленную Вашим коллективом монографию «Российско-американский диалог в области ядерного нераспространения: полученные уроки и путь вперед» воспринимаем как приглашение к

продолжению предметного разговора по всей совокупности проблем, в урегулировании которых заинтересованы далеко не только Москва и Вашингтон, но и остальные члены мирового сообщества. В этом многостраничном труде прослеживается растущее беспокойство по обе стороны океана, в том числе в России, относительно нынешнего состояния международно-правовой архитектуры в области нераспространения и перспектив многостороннего взаимодействия в данной чувствительной сфере», – Сергей Рябков, заместитель министра иностранных дел Российской Федерации. [Читать](#)

**На Научной среде ПИР-Центра обсудили перспективы развития китайского вооружения**

23 сентября ПИР-Центр провел Научную Среду –



неформальный экспертный семинар «Анализ стратегических неядерных и гиперзвуковых вооружений Китайской народной республики в Азиатско-Тихоокеанском регионе». К защите была представлена научно-исследовательская работа Максима Лаца, студента магистратуры Санкт-Петербургского государственного университета, подготовленная по итогам пяти месяцев стажировки в ПИР-Центре. [Читать](#)

## О журнале

### К содержанию

Электронный журнал «Ядерный Контроль» представляет собой подборку материалов российских СМИ и собственных материалов ПИР–Центра по вопросам развития атомной энергетики, проблемам нераспространения ядерного оружия и средств его доставки, контроля над вооружениями, ОМУ–терроризма, экспортного контроля и другим актуальным вопросам международной безопасности. В бюллетене освещаются позиции дипломатов, ведущих российских и зарубежных экспертов.

Выпуски бюллетеня с 2000 года доступны [на сайте ПИР-Центра](#).

Редактор электронного журнала — **Сергей Семенов** . Вы можете подсказать нам интересную тему, предложить свои материалы для бюллетеня и посоветовать, как сделать его лучше, по адресу [semenov@pircenter.org](mailto:semenov@pircenter.org) .

Отписаться от бюллетеня можно [здесь](#), подписаться на другие рассылки ПИР-Центра - [здесь](#).  
You can **update your preferences** or **unsubscribe from this list**.